

гомъ просить у всѣхъ у Васъ прощенія въ моихъ прегрѣшеніяхъ—вольныхъ и невольныхъ.

Теперь о будущемъ. Куда и зачѣмъ отправляюсь?—Откровенно говорю, ничего не знаю. И по воспитанію моему, и по иноческимъ моимъ обѣтамъ, я и прежде не избиралъ самъ себѣ мѣстъ и должностей, и теперь на запросъ: желаете ли? я отвѣчалъ: вполне предоставляю себя въ полное ваше распоряженіе во всякое время.... Распоряженіе состоялось. Принимаю его, ибо думаю, что оно сдѣлано не безъ воли Божіей. Какія мои дальнѣйшія предположенія? Пока буду въ силахъ, буду, по мѣрѣ возможности, дѣлать то, что укажетъ мѣсто и время. Усерднѣйше прошу: помолитесь обо мнѣ, чтобы Господь вразумилъ меня и сохранилъ отъ ошибокъ, пагубныхъ какъ для моей будущей паствы, такъ и для меня самого.

ПЕРВЫЙ ХРИСТИАНСКІЙ ХРАМЪ ВЪ АСТРАХАНИ послѣ перенесенія ея съ праваго берега р. Волги на настоящее мѣсто.

Возникновеніе христіанскихъ храмовъ въ той или другой мѣстности весьма часто совпадаетъ съ временемъ просвѣщенія края христіанствомъ. Первые миссіонеры-просвѣтители, обыкновенно, бываютъ вмѣстѣ и строителями церквей и первыми въ нихъ служителями, а потому вопросъ о первомъ храмѣ неизбѣжно приводитъ къ вопросу о времени появленія христіанской миссіи въ нынѣшней Астрахани. Пользуясь историческими показаніями, приходится констатировать фактъ, что дѣятельность первой христіанской миссіи даже въ самомъ городѣ далеко не совпадетъ съ началомъ присоединенія астраханскаго края къ московскому государству,—что на первыхъ порахъ представляется совсѣмъ необычнымъ для такого просвѣщеннаго и благочестиваго царя, какимъ былъ Іоаннъ Грозный. Покоренная Казань, какъ извѣстно, не долго ждала христіанскихъ проповѣдниковъ: уже на третій годъ по завоеваніи (1555 г.) тамъ учреждена была отдѣльная епархія; между тѣмъ какъ Астрахань должна была ждать къ себѣ проповѣдника пѣлые 14 лѣтъ. Ко-

нечно, тому были свои причины. Удаленный отъ Москвы вновь завоеванный городъ продолжалъ и послѣ этого оставаться чисто татарскимъ городомъ. Постановленіемъ на астраханскій престолъ царя Дербышъ-Аля (1554 г.) не упрямочена была кочующая и безпокойная жизнь мѣстнаго населенія. Даже больше. Съ этого времени въ здѣшнемъ краѣ открываются новыя политическія неурядицы, которыя причиняли не мало хлопотъ Москвѣ. Ямгурчей, насильственно лишенный своего престола, не могъ вдругъ отказаться отъ потерянной власти, тѣмъ болѣе, что сторону его открыто сталъ поддерживать крымскій ханъ и, что опаснѣе всего, самъ глава исламизма—Турецкій султанъ. Среди же астраханцевъ Дербышъ еще не успѣлъ снискать симпатій къ себѣ. Посаженный на царство вопреки ихъ желанія, онъ рисковалъ остаться въ первое время даже совсѣмъ безъ поданныхъ, если бы русскіе воеводы (Пронскій, Виземскій) не позаботились ихъ наловить ему. Положеніе Дербыша, какъ видно, было весьма непрочное. Іоаннъ Грозный, конечно, зналъ и хорошо понималъ всѣ эти и имѣющія возникнуть затрудненія во вновь покоренномъ краѣ. Вся его политика должна была направиться теперь къ тому, чтобы астраханцы не чувствовали существенной перемены въ ихъ новомъ положеніи, чего можно было достигнуть предоставленіемъ различныхъ имъ льготъ. И онъ, дѣйствительно, освобождаетъ ихъ отъ дани на три года и даруетъ имъ полную свободу общественной и религіозной жизни. „Князей скоро вывести намъ нельзя“, пишетъ Грозный даже въ 1562 г. ногайскому князю Измаилу въ отвѣтъ на его просьбу объ изгнаніи изъ Астрахани враждебныхъ ему князей: „потому, какъ взяли мы Астрахань, то астраханскимъ князьямъ свое жалованное слово молвили, чтобы они отъ насъ разводу и убійства не боялись; такъ чтобы въ другихъ земляхъ не стали говорить: вѣра вѣрѣ не другъ, и для того христіанскій государь мусульманъ изводитъ. А у насъ въ книгахъ христіанскихъ писано, — не велѣно силой приводить къ нашей вѣрѣ. Богъ судить въ будущемъ вѣкѣ, кто вѣруетъ право, или неправо, а людямъ того судить не дано“. (Истор. Солов. VI т. 116 стр.). Разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, думать о христіанской, правильно организованной миссіи было преждевременно.

Не измѣнились къ лучшему эти обстоятельства и послѣ окончательнаго присоединенія Астрахани къ Москвѣ (1556 г.), а только осложнились цѣлымъ рядомъ новыхъ затрудненій какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, отвлекавшихъ вниманіе государя отъ покореннаго края. Какъ разъ съ 1557 года начинается война съ Ливонскимъ орденомъ, а вслѣдъ за нею — болѣе упорная война съ Литвою и сосредѣльными государствами, которая съ незначительными перерывами продолжалась во все царствованіе Іоанна Грознаго.

Внутреннее состояніе государства и церкви того времени также весьма мало благопріятствовало духовнымъ нуждамъ астраханскаго края. Послѣ кончины добродѣтельной своей супруги Анастасіи (1560 г.) царь чаще всего бываетъ занятъ мыслью, что у него много враговъ, что онъ не въ безопасности, что ему необходимо принять мѣры для спасенія себя и своего семейства. И вотъ въ числѣ такихъ мѣръ учреждается въ нач. 1565 г. опричнина съ необузданною страстью къ грабежамъ и насилію. Высшіе же ревнители церковныхъ интересовъ, московскіе свитители, считали прямою своею обязанностію прежде всего заботиться о благополучіи и спокойствіи своей паствы. Видя же безуспѣшность своихъ ходатайствъ и болѣя сердцемъ за невинно преслѣдуемыхъ, они рады были совсѣмъ отказаться отъ святительской катедры, чтобы остатокъ дней своихъ провести вдали отъ мірской печали. Такъ знаменитый Макарій „изнуряемый многими печалями“, какъ самъ онъ писалъ въ своей прощальной грамотѣ, хотѣлъ нѣсколько разъ оставить митрополію, но былъ удерживаемъ царемъ и владыками и умеръ въ глубокой старости въ кон. 1563 г. Преемникъ его митроп. Аѳанасій, бывшій свидѣтелемъ учрежденія опричнины, изнѣмогая отъ тяжелой болѣзни и душевной скорьби, также оставилъ митрополію въ 1566 г. Въ преемники Аѳанасія былъ назначенъ Германъ; но онъ не понравился любимцамъ Іоанновымъ, а потому и былъ отстраненъ; на его же мѣсто вызванъ изъ Соловецкаго монастыря игуменъ Филиппъ, мужъ святой жизни и непреклонной рѣшимости, когда дѣло касалось блага церкви и отечества. Только при этомъ свитителѣ и, безъ сомнѣнія, по его личному настоянію вспомнили

наконецъ объ Астрахани, куда и посланъ былъ въ 1568 г. игумень Кирилль со властію строить церкви и монастыри и съ правомъ производить весь судъ надъ мірянами. Со времени прибытія игумена Кирилла, собственно, и начинается исторія христіанской Астрахани, а игумень Кирилль, обыкновенно, считается первымъ строителемъ въ ней храмовъ Божіихъ.

Но если существовали многія причины, замедлявшія начало христіанскаго просвѣщенія въ астраханскомъ краѣ послѣ его покоренія, то наряду съ этимъ исторія указываетъ намъ и на такія обстоятельства, которыя способствовали возникновенію христіанской жизни, по крайней мѣрѣ, въ г. Астрахани помимо официальной миссіи со стороны Москвы. Извѣстно, что воеводы (Пронскій, Вяземскій), по окончаніи всѣхъ дѣлъ въ Астрахани, отираваясь обратно въ Москву, оставили послѣ себя отрядъ русскихъ войновъ во главѣ съ начальникомъ Тургеневымъ въ помощь новоизбранному астраханскому царю Дербышъ-Алею. Правда, положеніе этой горсти христіанъ было зависимое. Въ обращеніи съ ними часто и самъ Дербышъ былъ весьма безцеремоненъ и скоро даже совсѣмъ выслалъ ихъ изъ Астрахани. Еще худшей участи подвергся въ слѣдующемъ 1556 г. московскій посоль Мансуровъ: выбитый изъ города онъ принужденъ былъ бѣжать и скрываться у казаковъ на перевозокѣ съ остальными при немъ 308 людьми (изъ 500). За то послѣ окончательнаго въ томъ же году присоединенія Астрахани къ московскому государству эта зависимость навсегда миновала. Во главѣ населенія города теперь стало стрѣleckое войско съ своими воеводами Черемисиновымъ и Тетеринымъ; подъ покровительствомъ ихъ съ этого времени и пріѣзжіе христіане могли свободно селиться здѣсь для постояннаго жительства. Не задаваясь просвѣтительными цѣлями во вновь покоренномъ краѣ, это первое христіанское общество, конечно, не могло отказывать себѣ въ удовлетвореніи своихъ насущныхъ религіозныхъ потребностей. Торжествуя свои побѣды надъ татарами, первые христіанскіе обитатели Астрахани, естественно, торжествовали побѣду вѣры Христовой надъ невѣріемъ, христіанскаго храма—надъ татарскою мечетью. Отсюда само собою рождается вполне вѣроятное пред-

положеніе, что еще гораздо раньше прибытія въ г. Астрахань игумена Кирилла здѣсь долженъ былъ возникнуть христіанскій храмъ, въ которомъ священно-служители совершали православное богослуженіе и великія требы для христіанскаго населенія возраждающагося города. Предположеніе это отчасти оправдывается и историческимъ показаніемъ. Такъ Іоаннъ Грозный, извѣщая въ 1563 г. крымскаго хана о своихъ знаменитыхъ побѣдахъ надъ Литвою, какъ бы вскользь указываетъ на существованіе христіанскихъ церквей въ Казани и Астрахани, давая тѣмъ знать, чтобы ханъ позабылъ о сихъ городахъ, нѣкогда татарскихъ, теперь же вполне христіанскихъ (Истор. Карамз. IX т. 24 стр.).

Болѣе подробныхъ историческихъ указаній въ нашемъ распоряженіи нѣтъ. За то сохранились до настоящаго времени краткія мѣстные записи, изъ которыхъ можно почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о первомъ христіанскомъ храмѣ въ г. Астрахани *). Записи эти, не имѣя за собою документальной убѣдительности, все же въ нѣкоторой степени могутъ проливать свѣтъ на темное прошлое г. Астрахани и даже стать исторически достоверными, такъ какъ показанія ихъ по занимаемому насъ во-

*) Мы имѣемъ въ виду: 1) „Сказаніе о покореніи царства Астраханскаго“... напечатанное цѣлкомъ въ Астр. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1877 г. №№ 42, 44 и 46; и 2) такъ называемую „Ключаревскую рукопись“, вышедшую отдѣльной брошюрой. Первая изъ нихъ по времени своего происхожденія несомнѣнно очень древняя. Однимъ изъ списковъ ея, между прочимъ, пользовался въ 1774 г. П. Рычковъ при составленіи своего „Введенія къ Астраханской топографіи“. Уже онъ о сей лѣтописи говоритъ: „Вѣроятность ея слогомъ тогдашняго времени довольно подтверждается; да и видно по содержанію ея, что она сочинена съ тогдашнихъ приказныхъ дѣлъ“. Сличеніе ея съ Никоновой лѣтописью показало, что въ положеніи историческихъ событій, касающихся первыхъ временъ покоренія Астрахани, она подчасъ до буквальнойности сходствуетъ съ нею. Встрѣчаются въ ней и отступленія, но самыя незначительныя и касаются главнымъ образомъ такихъ подробностей, какія могутъ имѣть значеніе для жителей Астрахани и, вѣроятно, почерпнуты изъ мѣстныхъ источниковъ. Рукопись заключается торжественными рѣчами побѣдителей къ царю, чего въ Никоновой лѣтописи нѣтъ; за то послѣ описанія похода на Казань здѣсь приводится подобнаго же рода поздравительныя рѣчи отъ бояръ и воеводъ, и отиѣтныя отъ царя. Можно догадываться, что авторъ мѣстной лѣтописи, желая представить полную и законченную исторію покоренія царства Астраханскаго, составилъ свои рѣчи въ подражаніе рѣчей, помѣщенныхъ въ Никоновой лѣтописи. Тонъ рѣчей и пышная обстановка, при которой онѣ произносятся, вполнѣ соответствуютъ описываемой эпохѣ Іоанна Грознаго, и это обстоятельство еще болѣе подкрепляетъ насъ въ пользу давности ея составителя.

Ключаревская же рукопись относится къ началу нынѣшняго столѣтія.

просу не только не противорѣчатъ историческимъ даннымъ, а болѣе или менѣе подтверждаются ими. Всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства прежнихъ лѣтъ единогласно утверждаютъ, что г. Астрахань издревле посвященъ былъ Божіей Матери, и что первый въ немъ храмъ воздвигнутъ въ честь Ея имени.

Самое раннее свидѣтельство о построеніи храма въ Астрахани находится въ лѣтописи Никоновой. Здѣсь преданіе старины вложено въ уста царя Іоанна Грознаго. Когда, послѣ завоеванія Казани, пришли къ Іоанну послы отъ Нагайцевъ съ челобитьемъ, чтобы онъ оборонилъ ихъ отъ Астраханскаго царя Ямгурчел, то Іоаннъ, подыскивая предлогъ къ этому походу противъ Ямгурчел, между прочимъ вспомнилъ, что Астрахань издревле была русскимъ владѣніемъ: когда еще св. Владиміръ дѣлилъ волости своимъ дѣтямъ, то эту Астрахань, называвшуюся тогда Тмутараканомъ, отдалъ сыну своему Мстиславу, гдѣ уже въ то время, „храмъ Пречистыя сотворенъ былъ“ (Ист. Солов. VI т. 108 стр.). Не придавая историческаго значенія этому лѣтописному преданію, основанному на смѣшеніи двухъ подобозвучныхъ наименованій, тѣмъ не менѣе нельзя не указать на его важность для современниковъ въ томъ отношеніи, что высказанное Грознымъ съ твердою положительностію, оно, безъ сомнѣнія, послужило руководящимъ началомъ при восстановленіи христіанства въ г. Астрахани, якобы древнѣйшемъ владѣніи русскихъ князей. Если, по заявленію царя, Астрахань искони посвящена была Матери Божіей, если здѣсь отъ первыхъ временъ христіанства на Руси былъ сооруженъ въ честь Ея храмъ, то естественно поэтому, когда по завоеваніи города явилась возможность начать постройку христіанскаго храма, онъ не иному кому могъ быть посвященъ, какъ только Пречистой Матери Божіей. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и сама Москва, родина завоевателей, посвящена была также Пресвятой Богородицѣ. А извѣстно, какъ ревниво наши предки заботились о прославленіи своихъ главныхъ храмовъ и святынь. Соборы 1547 и 1549 гг., направленные къ уничтоженію этого исключительнаго взгляда на мѣстно-чтимыя святыни, конечно, не вдругъ могли разсѣять вѣками созданнаго обычая; и послѣ нихъ онъ

такъ или иначе проявлялся невольно. Такъ предъ походомъ на Казань Іоанномъ Грознымъ основанъ былъ городъ Свіяжскъ, и въ немъ построены соборъ во имя Пресвятой Богородицы (Ея Рождества); по взятіи же Казани, на другой день, царь заложилъ соборъ также во имя Пресвятой Богородицы (Благовѣщенія). Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ Астрахани, послѣ ея завоеванія, первый храмъ и какъ бы самый магометанскій городъ посвященъ былъ имени Той же Пресвятой Богородицы и тѣмъ наглядно выражено, что Астрахань, подчинившись въ политическомъ отношеніи Москвѣ, тѣмъ самымъ вступила подъ твердую защиту ея покровительницы и помощницы—Пресвятой Богородицы. Нѣкоторое подтвержденіе сему соображенію находимъ и въ мѣстной лѣтописи. По свидѣтельству ея, когда воеводы съ побѣдоноснымъ войскомъ изъ Астрахани возвратились въ Москву и принесли царю поздравленіе, то на другой день „начая благовѣсть пораву, и весь народъ собрася въ церковь соборную, и быша по литургіи съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе Господу Богу и Его Пречистой Матери, которыя образъ изнесенъ бысть изъ храма, зане не вмѣщаются народомъ. И указалъ Великій Государь, дабы воеводы и всѣ бывшіе въ Астрахани храбрые воявы лобызали образъ *помощницы своей Пресвятой Девы Владычицы Богородицы*“.... (Астр. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 46 стр. 8). Эта подробность мѣстной лѣтописи важна для насъ въ томъ отношеніи, что успѣхъ нашихъ завоеваній въ невѣрной странѣ приписываетъ исключительно помощи Пресвятой Богородицы, имени которой естественно и былъ посвященъ первый астраханскій храмъ. Кроме того, мѣстные записи, упоминаемая выше, единогласно убѣждаютъ насъ и въ томъ, что этотъ первый храмъ сооруженъ былъ, именно, въ честь Рождества Пресвятой Богородицы. Такъ составитель сказанія о покореніи царства Астраханскаго, приводя известную уже мысль Іоанна Грознаго о дарованіи Мстиславу г. Астрахани съ храмомъ Пресвятыя Богородицы, прибавляетъ отъ себя, что этотъ храмъ былъ во имя Рождества Ея, (тамже № 42 стр. 9), каковая подробность мѣстнаго писателя можетъ быть объяснена желаніемъ поставить въ полное соотвѣтствіе современнос ему пре-

даніе о первомъ храмѣ въ покоренной уже Астрахани съ преданіемъ, занесеннымъ на страницы Никоновой лѣтописи. Еще съ большею положительностію говоритъ объ этомъ Ключаревская рукопись. Здѣсь вполне опредѣленно сообщается не только о томъ, что первый храмъ былъ построенъ во имя Рождества Пресвятой Богородицы, но и указывается на мѣсто и время его построенія, о чемъ будетъ сказано ниже.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе и на то обстоятельство, что ни преданіе, ни историческія свидѣтельства не считаютъ какой-либо иной изъ древнѣйшихъ храмовъ за первый; равно какъ никто изъ Астраханскихъ іерарховъ, ни самъ игуменъ Кириллъ не считается строителемъ несомнѣнно существовавшаго древнѣйшаго храма во имя Рождества Богородицы, вмѣсто котораго въ началѣ 18 столѣтія воздвигнутъ настоящій храмъ того же имени. Это чисто отрицательное основаніе, при указанныхъ уже положительныхъ свидѣтельствахъ, по нашему мнѣнію, также можетъ имѣть свою долю убѣдительности.

(Продолженіе будетъ).

С. І. С.

ВЪ МІРѢ РАСКОЛА.

Въ истекшемъ 1889 году смерть какъ будто нарочно отточила свою косу на раскольническихъ богачей; она съчтетъ одного за другимъ безъ всякой пощады и тѣмъ причиняетъ величайшій ущербъ раскольническому обществу. Такъ 16 сентября скончалась въ Астрахани извѣстная богачка въ расколѣ австрійскаго толка Евдокія Андреева Шульгина—жена покойнаго Андрея Тарасова, бывшаго нѣсколько лѣтъ попечителемъ раскольнической часовни. Послѣ смерти Андрея Шульгина на долю жены было положено денегъ, какъ намъ передавали, до 300,000 руб., два каменныхъ дома, построенные на одномъ дворѣ съ раскольнической церковью. Покойница, какъ слышно, была очень скупа для бѣдныхъ и нищихъ, особенно же для православныхъ, которымъ она обыкновенно отказывала такъ: „нѣтъ вамъ ничего, подите прочь, никоніане“! Все свое удовольствіе, развлеченіе и